

НИКОЛАЙ ИВАНОВ

Артём Воевода — боец республики

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

...Вместо бабы Клавы нос к носу столкнулся у школьного стадиона с рыжулей Валькой Почечуевой. В посёлке каждый знал, что сначала на свет родилась вредность, и пока оглядывалась, к какой душе прилепиться, тут и Валька появилась, да ещё подала сдуру голос. Вредность к ней, самой громкой, и шмыгнула в палату...

— Артём? — ей оказалось сложно соотнести появившегося из-за угла оборвыша с одноклассником, уехавшим в Москву в суворовское училище. — Ты чего такой? Откуда? Здравствуй.

ИВАНОВ Николай Фёдорович — российский писатель и публицист. Родился в 1956 г. в с. Страчево Брянской области. Отставной полковник налоговой полиции России, военный журналист, офицер-десантник. В прошлом — главный редактор журнала «Советский воин» и газеты «Налоговая полиция». Прошёл в качестве военного корреспондента все «горячие точки» на постсоветском пространстве. Неоднократно бывал в ДНР и ЛНР. Председатель правления Союза писателей России с 2018 года. Его произведения печатались в различных сборниках и журналах. Автор более 20 книг прозы и драматургии. Среди них: «Солдаты мира» (1985 г.), «Военные приключения» (1991 г.), «Афганский шторм (Операцию „Шторм“ начать раньше)» (1992, 1998, 2011 г.г.), «Расстрелять в ноябре» (2008 г.), «Спецназ, который не вернется» (2006 г.), «Московский излом» и др. Награждён орденом Дружбы ДНР, орденом «За службу Родине в ВС СССР», медалями «За отвагу», «За возвращение Крыма», «Участнику военной операции в Сирии». Лауреат литературных премий им. Николая Островского, М. Булгакова, премии «Сталинград» ФСБ России, «Золотое перо границы», премии В.Г. Распутина (2022) и других. Живет в Москве.

Обняла и тут же оглянулась в поисках хоть какой-нибудь людены, с кем можно было поделиться новостью. Но для любопытных и зевак рань ещё стояла несутветная, она и сама бежала в школу на правах старосты проверить уборку класса. А тут — на тебе, новость первостатейная.

— Ты в школу? Смотри, ты ещё прибывал, — показала на баскетбольный щит, где вместо кольца висел стул со снятым сиденьем. — А у нас Первый Поп тоже уехал. С родителями в Ростов. Знал? — Рыжуге очень хотелось и самой хоть чем-то удивить одноклассника.

— Второй на месте? — в классе учились два Поповых, причём оба Василии, вот на первого-второго и делили...

— Как был лоботрясом, так и по жизни, видать, пойдёт. Остальные на месте. А знаешь, как мы боялись, что в школу будет прилёт чего-нибудь первого сентября! Им же за счастье испортить людям праздник. Но Бог миловал, — торопилась и рассказать, и выпытать побольше сама, чтобы другим уже ничего не осталось на язык. — Только чего ты так одетый? Не пойму...

— Своё постирал, пришлось набросить, что попало под руку.

От одноклассницы требовалось избавляться, пока не налетели другие знакомые. Хотя узнать школьные новости сам мечтал. Но теперь чуть позже. Потом. Как вернётся. Может, даже расскажет, какой бог миловал школу от обстрела первого сентября.

— О, забыл деньги, придётся вернуться, — не дал больше Вальке слова. — Привет всем нашим, я в магазин и потом забегу.

Но можно было не возвращаться: Валька, рыжей курицей взмахивая от нетерпения руками, помчалась к школе, неся в клювике хоть и малую, но уж точно самую невероятную пищу для разговора. Главное, чтобы больше никто не увидел Артёма до уроков, и тогда она — королева!

Сам король срочной новости дальше двигался с оглядкой, благо снега намело чуть-чуть и ничего не стоило прятаться за деревья, если кто-то показывался навстречу. Около проулка крестного увидел под ногами сосновые веточки, подтвердившие слова бабы Клавы: их оставляют по пути к кладбищу. На Донбассе каких только переселенцев и обычаев не перешелось. Сосновые веточки на похоронах — это от приехавших с севера России. Увидев первый раз этот ёлочный обряд, Артём удивился, но никто объяснить не мог его смысл. Лишь всезнающая рыжуга докопалась до языческих времён: ветки не просто бросают, а обязательно иголками в сторону кладбища, чтобы они мешали покойнику вернуться домой за кем-то из родных. Только вот позёмка перевернула их по своему хотению. Чур, не его!

На окраине посёлка у случайного водителя стареньких «жигулей» хватило сердобольности без лишних расспросов подбросить попутчика почти до «серой зоны». Война для жителей прифронтовой полосы стала привычной, она копошилась как крот в огороде — надоедливо, но и не вывести. Хотя мужики уверяли: если набросать в норы кусочки карбида и полить приправу водой, запуская, то от едкого запаха подземной реакции убежать могут. Но — к соседям...

Ноги, словно в родной дом, вели на «Тэшку». Увидеть и обнять сослуживцев. Почувствовать тёплый шершавый язык Шнурка на своём лице. Извиниться перед командиром. Расспросить о гибели крестного. Но и это откладывалось «на потом».

Перепоясался платком, который незаметно стянул с пояса при Вальке, опустил уши в шапке-ушанке, заправил одну штанину в бурки, вторую оставил навывпуск.

Ну, и где суворовец Тульского СВУ, где боец Республики, разведчик «Тэшки» Артём Воевода? Побирושка войны.

* * *

Вместо знакомого пана майора к часовому, задержавшему попрошайку, пришёл новый командир — высокий поджарый капитан с чёрной щетиной. Никаких пистолетов, пулемётов, ножей-финок, только «Ксюха» на плече — АКСУ, автомат Калашникова складной укороченный. Всё толково, без понтов. Это в бою пулемёт играет первую скрипку, а по траншее бегать именно с раскладухой «Ксюхой» самое то...

Но плохо, что командир новый. Потребуется больше объяснений.

— Подь сюды, — капитан остановился на расстеленном посреди «отдыхайки» флаге ДНР. Артём вынужден был ступить на распятое полотнище. Хорошо, что надел бурки, они мягкие, вроде и не топчет...

— Пан командир, я случайно к вам. Мамки-папки нету, одна бабуля, я и подрабатываю чем могу, — опережая вопросы, традиционно начал лепить из себя бедного ягнёнка Артём.

А сам косил глаз, отмечая изменения на позициях. Орудийные стволы покрыты новенькой белой маскетью. На три ствола вроде больше стало. Кончился украинский «каннибализм», когда техника пожирала друг друга, продолжая жить только за счёт запчастей от сородичей на складах? На бруствере появилась «Дашка» — пулемёт Дегтярёва-Шпагина крупнокалиберный. Укрепляются на случай нападения? Так кто же в лоб пойдёт атаковать, хрен вам и ни хрена. В шахте, ребятки, не играют в прятки, на Донбассе всё серьезно. И он свои глаза всегда с собой носит. Хотя в данный момент желательно делать отсюда ноги от греха подалее, с капитаном каши не сварить.

— Если у вас надо что убраться, я готов за еду...

— Дать хлеба и гнать взащей, — не допустил постороннего ни на миллиметр к позициям и ни на йоту к своей душе капитан. Бравый. Точно майором станет. Зато можно сойти с флага Республики. — Петро!

Прибежавший повар заулыбался, узнавая Артёма. Эта откровенная радость, однако, насторожила командира.

— Погодь, погодь трошки. Так він що, нэ пэрший раз тут?

— Та з паном майором разом супчик тут обідали... Знались...

— Та-ак, интересно, — артиллерист подтянул из-за плеча «Ксюху», положил на автомат ладонь. Сумрачный часовой проделал то же самое. — И что это мы повадились на боевые позиции шастать, а, хлопчик? Ты чей будешь? — Офицер пальчиком поднял подбородок Артёма, заставляя смотреть в глаза. Потребовал у повара дополнительную информацию: — Когда появлялся здесь последний раз?

Перешли на русский язык, чтобы не тратить время на перевод.

— Где-то перед сентябрём. Да-да, перед школой. Пан майор ещё предупредал, чтобы не бросал учиться. Сирота.

— А этот сиротинушка, как мы видим, не слушает старших. Не учится почему-то, — Артёму снова, но уже достаточно жёстко, вздёрнули подбородок. Как же ты не вовремя появился, повар Петро!

Артиллерист тем временем проворно, с умением прошёлся ладонями по одежде. Замер на пузырьке с керосином, понюхал содержимое. Вкупе со спичками это выглядело угрожающе, и Артём торопливо объяснился:

— Когда холодно, у костра греюсь. Хотите спичек? Я могу принести охотничьи, в воде горят. Пану майору понравились...

Однако капитан уже срывал с Артёма одежду, как листья с кочана капусты. Ощупывал каждый шов, пока подозреваемый не остался стоять на пронизывающем ветру в одних трусах и майке. Ничего предосудительного больше не нашлось, но артиллерист оголил пришельцу живот и... замер. Покрылся липким потом и Артём, боясь опустить глаза. Да только было поздно. Офицер сжал железными пальцами горло, в глазах Артёма потемнело, ноги подкосились, но хватка не ослабла.

— «МО РФ», — начал читать бирку на обороте майки артиллерист. — Отлично! Значит, Министерство обороны Российской Федерации? А вот и продолжение: «3 взвод 6 роты. Воевода А.Н.» Забавно. Ещё скажи, что купил майку на рынке или снял с убитого москаля.

Со знанием дела, прекрасно зная, где и как маркируют в армии одежду, оттянул резинку на трусах. Всё повторилось — и штамп, и подпись. Да и как не повториться, если каждый суворовец обязан подписывать нестираемой пастой бельё перед его отправкой в стирку, чтобы потом отыскать в общей куче своё...

Больше капитан не церемонился. Больше всего взбесило, что его едва не провёл вокруг пальца вшивый пацан. И уже не как ребёнка, а врага и сепаратиста, резким ударом по лицу сбил с ног. Кровь долетела до флага быстрее, чем туда же воткнулся нос Артёма. Не давая спрятаться от взгляда, офицер перевернул пленника ногой, наступил на грудь американским ботинком. Зловещая улыбка среди чёрной бороды делалась всё оскалитее.

— Петро, а вспомни-ка, когда был убит командир миномётчиков в «Айдаре». А? Наверняка в тот же день, когда Воевода А.Н. из 3 взвода 6 роты МО РФ ел твой суп на позиции. А потом подожгли степь и наверняка этими самыми спичками, которые и пану майору дарились, и мне предлагались...

У повара от догадки выпала из рук буханка хлеба. Артём мгновенно почувствовал и холод, и мерзлые комья земли под спиной. Что же он натворил! Всего-то и поленился заменить майку с трусами. Да и не помнил он про этот штамп. И уж тем более не мог представить, что станут раздевать...

— Вроде... не помню... где-то в это время, — одновременно и кивал, и пожимал плечами повар на вопрос командира, не понимая, что делать с выпавшим хлебом.

Не дав Артёму разрешения подниматься, капитан отошёл на несколько шагов, включил рацию. Говорил негромко, по-украински, но дело касалось жизни и смерти, и слух пленника обострился, выстраивая смысл разговора по отдельным словам. А он не сулил ничего хорошего: артиллерист вызывал сотрудника контрразведки, попросив захватить с собой журналистов, потому что российская армия стала посылать в качестве наёмников малолеток. Один у него в руках, и это будет красиво смотреться в телевизоре. А ещё желательно присутствие миномётчиков из «Азова».

Только как ни уговаривал, ни интриговал верзила контрразведчиков, тем поездка в ночь на передовую удовольствия не представляла. «Азовцы» откликнулись охотнее, но тут уже артиллерист пожадничал делиться с ними славой: удача должна находиться в одних руках, иметь одного хозяина.

Накаркал. Контрразведка перезвонила мгновенно, потребовав повторить фамилию пленника. Похихикали: ждите и вы сюрприз в лице «афганца», который расколот вашего малолетку в две хвильны.

Артём околевал на ветру, стараясь уместиться на флаге — полупальто, платок, свитер, даже шапка были отброшены достаточно далеко. Повар сделал попытку подвинуть вместе с поднятой буханкой хоть что-то из одежды, но гневного взгляда командира оказалось достаточно, чтобы замереть по примеру бдительного часового: ничего не вижу, ничего не слышу, себе дороже.

— В подвал его. До утра, — приказал артиллерист охраннику.

Подземелье предполагало ещё большую стылость, и капитан сам приказал одеваться, чтобы не получить к приезду СБУ окоченевший труп. На этом работа закончилась: Артём успел лишь вдеть ноги в бурки, как его подтолкнули прикладом — вперёд и не оглядываться, в каземате найдёшь уйму времени прихорашиваться.

Повар вцепился в буханку, пальцы продавили корку, легко вошли в мякиш. Ни думать про вторжение русской армии в Украину в лице непонятого пацана, ни сопоставлять его прежний приход с убийством айдаровца не хотелось. Он видел сгорбленную, посиневшую фигурку уводимого под конвоем парня, отплёвывающего алую кровь на снег, и боялся представить в подобном положении своего младшего сына. Ещё страшнее было предположить, что может ждать пацана в настоящих застенках СБУ. Поломать пальцы, рёбра, отбить почки, выжечь звезду на теле, — этого он насмотрелся в первые месяцы службы в комендатуре, куда его по благу устроил контрактником сват-военком. На зарплату в две тысячи долларов. С уговором, что тысячу станет отдавать обратно, потому что у военкома не жизнь, а одни нервы: красиво принимать-ублажать начальство из Киева, чтобы самому не загреметь на войну.

Обещанных денег Петро не получил ни разу, сумма дербанилась где-то на дальних подступах: командиры-комендачи тоже отмазывались от отправки на фронт за счёт подчинённых. Заикнувшегося о несправедливости Петра посадили на сутки в карцер за неровно пришитый погон, лишили за провинность премиальных, и он приказал себе прикусить язык до конца контракта.

Только вот крики истязаемых, особенно женщин, не давали спать ночами. Проклиная свата, написал рапорт на фронт, после которого ветеранам боевых действий обещали два гектара земли.

Однако вместо них реальностью стали два метра под могилу, а вместо долларов вообще выделяли шелуху от них, пару тысяч «гавриков». Невольно выручила вечно болевшая жена, из-за чего научился стоять у плиты. Кулинарные способности оценили, поставив разделяться с продуктами, а не с людьми. До сегодняшнего дня. Зачем, зачем пацан появился здесь снова?

* * *

«Матвей» ждал гостя из Тулы и представителя министерства обороны подполковника Зазимко. Чайник в третий или пятый раз принимался вскипать на раскалённой докрасна незаменяемой для окопной жизни «буржуйке», но разливать кипяток пока было некому. Несколько раз взвизгнул, просясь в тепло, Шнурок, но милости командира не дождался и побрёл по траншее, вскидывая голову на каждый сторонний шум. Плохо быть маленькому солдату на войне, ничего не видишь из глубокой траншеи, даже приближающейся опасности. А он хоть и собачий, но солдат, раз стоит на котловом довольствии блок-поста...

Издаലെка донёсся шум мотора — тонкий, не тащивший натужно на себе бронетехнику, а сам рвущийся вперёд. Звук был из другой, уже забываемой мирной

жизни, и Шнурок начал набирать скорость, чтобы в родном пулемётном окопе старого солдата, вспрыгнув на сидушку, достичь бруствера. А там обзор — куда глаз дотянется.

Машину вышел встречать и командир. Ему не требовалось разогнаться по траншее, спокойно поднялся по ступенькам и поднял в приветствии руку для подъезжающих на гражданской машине — я здесь.

Гость из Тулы оказался небольшого росточка, в камуфляже без знаков отличия и погон, чтобы даже случайные свидетели не зафиксировали очередного добровольца, приехавшего вместо шахтёров воевать с украинцами. Но представился первым, как и учат в военных училищах: при равенстве воинского звания танкисты, лётчики, моряки, пограничники в знак понимания значимости первыми отдают честь окопному офицеру:

— Капитан Резников. Тульское суворовское военное училище.

— Чайком угостишь, Матвейч, — сопровождавший гостя Зазимко потёр руки в предвкушении горячего угощения после раннего выезда и долгой ухабистой дороги.

Командир «Тэшки» знал о цели визита из предварительного телефонного разговора, и потому распахнул дверь в штабную землянку столь широко, что в неё просочились даже не приглашённые гости. Может, Шнурок и остался бы незамеченным, да туляк бросил куртку на уже занятый им топчан. Собачонок недовольно и гавкнул, выдавая себя с головой. «Матвей» вместо поддержки однополчанина цыкнул, а для более важных персон принёс кипяток. Гости обошли вниманием кофе со сливками, хранимые для самых дорогих посетителей, потянулись к духмяной заварке из трав.

— Ну что, всё-таки сбежал боец, — вроде бы и с сожалением, но и не без ноток гордости за бывшего подчинённого констатировал Василий Матвеевич. Донецкая порода — она такая, с нею нахрапом ничего не сделаешь. «Молодая гвардия» могла родиться только из таких парней, как Артём, и только на Донбассе — ни в Киеве, ни в Карпатах, ни даже в Одессе или Харькове. Знайте и помните.

— Почему же сбежал, — не приняв упрёка, спокойно ответил туляк-оружейник, с присвистом снимая с чашки едва успевающий остывать тонкий слой кипятка. — Он у нас в законном отпуске.

В доказательство протянул сложенный вчетверо отпускной билет, согласно которому Артём убывал на десять дней в Донецк по семейным обстоятельствам. Печать, размашистая подпись начальника училища снизу вверх на полстраницы. И ответная усмешка: «Молодой гвардии» в Туле, конечно, не было, но она не только не сдала себя немцу, но и не пустила его к Москве! Об этом тоже не мешало бы всем знать и помнить!

Оба понимали, что отпуск Артёма — это подтасовка фактов, но если в разговор вошёл сам начальник училища, то командиру блок-поста оставалось только согласно кивать. И радоваться, что в Туле не рубанули с плеча, отчислив парня за самоволку. Оставалась самая малость — разыскать самого виновника вселенского тарарама.

— Его здесь не было. И на похороны не приехал, — ответил за свой участок ответственности «Матвей».

— Он не знал про похороны, телеграмма пришла позже, — прокололся Резников.

Ага, всё-таки сначала побег, потом, задним числом, прикрытие своей безалаберности. Что и требовалось доказать. А то отпуск, по семейным...

Для Зазимко полунамёки между офицерами показались мало интересными, он переместился со своей чашкой к наострившей уши собачонке, потрепал холку: извини, брат, что люди придумали себе сладкие вкусности, которыми не поделиться с вами, братьями меньшими.

— И где искать? Может, его и нет на Донбассе, — «Матвей» приподнял отпускнутой, оглядел присутствующих: кто берёт на себя смелость первым увидеть беглеца и вручить оправдательную бумажку? Не забыл, что главенство в молчаливом споре осталось за туляком, всё же высказал претензии: — Что ж так плохо смотрите за своими подчинёнными, если они от сытой жизни через забор снова в такие условия, — обвёл взглядом землянку. Обихожена, конечно, бардака нет, но под землёй ведь, а значит, не для людской жизни. — Или обидели чем? Он такой, несправедливости не потерпит.

Ответа не последовало, что подтверждало догадку: всё же кровно обидели чем-то парня. Молчание гостей предлагало установить статус-кво: что было — то прошло, теперь надо просто искать парня, а не обвинять друг друга.

«Матвей» как бы согласился, однако выразил недовольство до конца:

— Мы вам героя отдали, а вы... вы его в самовольщика превратили.

Понимал, что перебарщивает, что воспитатели, мотающиеся по Донбассу в поисках подопечных, ныне дорогого стоят, и потому парень в надёжных руках.

Напряжение разрядил Зазимко:

— Прекращаем лить пустое в порожнее. Пограничники подтвердили, что Артём пересёк границу за пару часов до того, как им пришёл «Стоп-лист» о задержании.

Шнурок, едва услышав родное имя, вскочил гостю под руку, едва не опрокинув себе на холку чашку с кипятком. Не зря, не зря он рвался в землянку. Не подвело собачье чутьё, что приехавшие затронут и его судьбу.

Командир хлопнул по колену, приглашая собачонку пересесть к нему и не мешать высокому начальству.

— Я могу послать с вами бойца к нему домой. Авось соседи что видели. И в школу можно заглянуть, друзья же остались. Подождём и мы здесь. Ну не может человек на войне прожить, как Робинзон Крузо, в одиночку.

— Да, так и сделаем, — согласился Зазимко.

Встал, по привычке поправил форму. Хотя камуфляж как ни приглаживай, как ни заправляй в ремни, а после советской отутюженной, без единой складочки формы современные балахоны не смотрелись. Вроде тоже ни одной складочки, потому как не мнутся, но мешок на человеке — он и есть мешок, в какие цвета его не раскрашивай. Погнались за дешёвизной, в ответ получив не солдатский подтянутый строй, а пятнистое стадо...

— Товарищ подполковник, мне бы с вами ещё на минуту... поинтересоваться... — попросил аудиенции «Матвей».

Туляк деликатно вышел, оставляя донецких офицеров одних.

— Извините, я опять про Артёма. Месяц назад мы посылали на него наградной за уничтожение миномётчика...

— Присядь, — попросил подполковник, благо в чашках оставался чай. — В геройстве парня мы не сомневаемся. Бой имел место. Но по наградному вышла заминка. Надеюсь, временная, просто документы затребовали на проверку контрразведчики.

— А они с какого боку припёка?

— Да вот нашёлся он, этот бок. Всплыл ненароком. Когда и что ты слышал о его отце в последний раз?

— Сто лет в обед, — удивился вопросу «Матвей». — Ещё до войны запил, дурак. Как ни уговаривали, водка оказалась сильнее. Уволили с работы: от пьяницы и шахта пятится. Ушёл из дома и как в воду канул.

Посчитав ответ исчерпывающим, командир замолчал, но Зазимко ждал продолжения, и оно должно было касаться почему-то Артёма.

— Потом мать погибла. Воспитание на себя взял крёстный, Степан Ильич. Но его позавчера самого похоронили. Я не понимаю, товарищ подполковник...

— Если бы я всё до конца понимал, Василий Матвеевич, — Зазимко впустил остаток чая в один глоток. — А почему контрразведка... Самым страшным истязателем наших пленных в харьковской Службе безопасности Украины числится некий «Афганец». Контуженный. Пьяница. За стакан водки ломает всех без разбора. И фамилия этого «Афганца» нам сегодня известна — Николай Воевода.

«Матвей» так резко встал, что опрокинул табурет. Шнурок вспрыгнул на лежак, лампочка замигала.

— Колька Воевода? В СБУ? Он же афганец!

— Колька Воевода. Костолом в харьковском СБУ по кличке «Афганец». Отец вашего героя. Но достойное прошлое, к сожалению, не гарантируется на века.

— Лучше бы он умер, — стоял истуканом «Матвей». Но ноги не держали, он поднял табурет и опустился на него. — Я не хочу в это верить! И Артём при чём здесь? Сын за отца не отвечает.

— Знаем. Но проверить возможный контакт, возможную вербовку... Не возмущайся, я не параноик. Контрразведка делает своё дело, и делает его, я считаю, правильно. Тем более, парню после суворовского открывается дорога в Рязанское десантное. А там подготовка разведчиков, другой уровень секретности...

— Бред. Артём — шпион...

— Василий Матвеевич, мы взрослые люди. Идёт война...

— Но мы-то должны оставаться людьми!

«Должны, — молча согласился Зазимко. — Но и должны подчистить всю ситуацию. Для блага самого Артёма, чтобы раз и навсегда закрыть вопрос и не возвращаться к нему».

Это понимал и «Матвей», но слишком неожиданными оказались известия. Колька Воевода, его друг по шахте, пытается пленных ополченцев, его подчинённых...

— Ещё не случалось такого, чтобы гражданские войны не разделили семьи, — Зазимко был готов к разговору. Возможно, он повторял это по несколько раз на день в разных местах. — Но в нашем случае мы можем спрогнозировать, кем станет гордиться подрастающее поколение: отцом-садивистом или сыном-героем.

— Товарищ подполковник, я всё понимаю, — «Матвей» глянул на дверь, за которой мёрз гость из Тулы. — Но проверяйте быстрее. Я готов подписаться за него под любой бумагой. Только... только не говорите ничего Артёму.

— Его ещё надо отыскать. Надеюсь, он не на ту сторону опять шмыгнул? А то будем воздух пинать по Донбассу.

Шнурок дёрнулся за гостями, но командир отбросил его в дальний угол, чтобы не успел добежать до двери, пока она не закроется. Вот как тут понять людей: то не пускают, то запирают. Заскулил тоненько...

Почти один в один повторяя Шнурка, тоненько скулил в своём подземелье и Артём, но от безысходности и холода.

Погреб оказался хранилищем для продуктов. Когда глаза привыкли к темноте, он обследовал все углы и понял: из подземных тюрем сбежать невозможно. Единственный выход — это дверь, но артиллеристы, похоже, продукты укрепляли надёжнее, чем боеприпасы: два замка и три засова за его спиной звякнули на пять нот, пока он летел после пинка по земляным ступенькам до пола.

— Сиди, думай и молись своей Москве, — усмехнулся перспективе пленника капитан.

Думать Артёму как раз и страшно. Лишь однажды через их «Тэшку» проводили обмен пленными. И если украинских военных не отдавали до тех пор, пока каждого не осмотрит доктор, то возвращавшиеся ополченцы волокли друг друга, бессильно падая в руки парламентёров. Один из вернувшихся сказал подбежавшей с микрофоном журналистке:

— Гестапо отдыхает.

Однако радовались, что остались живы, и хотя покалеченными, но вернулись домой. После увиденного на блок-посту молились об одном: не попасть в плен, не оказаться в лапах СБУ или «нациков». А как сладко и красиво они клялись на майдане:

«Украина, святая мать героев. Войди в моё сердце, оживи мою душу и освети своей славой. Ты, святейшая из святых, ты — моя жизнь и моё счастье».

«Святейшая» ломала рёбра, убивала матерей, называла фронтовиков «колорадами» и ненавидела тех, кто говорил на русском языке. Не говоря уже о брошенном под ноги, чтобы топтать ежечасно, флаге Республики. Хотя ненавистные «колорады» на параде Победы в 45-м, не опускаясь до уровня зверья, бросали даже фашистские знамёна не на землю, а на специальный помост.

Но сейчас Артёму требовалось избавиться от улик — снять трусы и майку или просто вырвать куски материи с маркировкой. Утром придут, а ничего нет... Сам усмехнулся своей наивности, понимая, что лучше придумать легенду, как бельё оказалось на нём. Например, баба Клава купила его с рук, а подписал сам, потому что... потому что...

Он не встречал ни одного человека на гражданке, кто бы маркировал свою одежду. Не станут слушать его лепет и контрразведчики. Пальцы в дверь и...

Передёрнулся. Какой же он дурак. Учился бы себе дальше, живя в тепле и сытости. И мамкины часы легче было бы отыскать, находясь в училище, а не за тысячу километров от него. Может, даже уже подкинули, как ему стропорез. И Таня не та проблема, чтобы совать голову в петлю. Скорее всего, она и не заметит его исчезновения. А он и взаправду станет «летучим голландцем» — пропавшим без вести. Как же всё кажется никчемно, когда оглядываешься назад. Только вот мамкины часы не могут считаться никчемностью. Даже Шнурок не позволяет себе вилить хвостом, если ему что-то не нравится. Что и как сейчас на «Тэшке»? «Матвей», знай о захвате, наверняка бы что-то предпринял по освобождению. Да просто-напросто не пустил бы его в «серую зону»:

— Мы не должны на радость врагу одеваться в одежды мишеней! Шнурок, подтверди.

— Гав!

Но если уж случилось, послал бы на переговоры кого-то в роли горниста или барабанщика — со времён Петра Первого их никто не имел права задерживать, а тем более убивать. Да только украинцы этого не знают, они книг нынче не читают...

Но всё равно хоть слабая надежда, но была бы, знай на блок-посту о его вылазке. А в суворовском их шестая рота сидит на самоподготовке, потом отведут на ужин...

Напоминание о еде заставило проверить содержимое хранимых в подвале ящиков, мешков и пакетов. Всё самое вкусное оказалось закатано в банки, но есть бутылки с маслом, лавровый лист, горы сахара. Только вот если голод можно терпеть, то к холоду привыкнуть невозможно. Почему не подпоясался дома двумя платками?

Начал разминаться. В училище на физзарядку с наступлением холодов идёт форма № 6, самая тёплая из возможных, в толстовке. Начальник физподготовки капитан Иван Иванович Иванов примет утром доклад Чумаченко:

— 3 взвод 6 роты к зарядке готов. В строю 20 человек. Отсутствует по неуважительной причине суворовец Воевода.

Отсутствует, присутствует — жизнь в СБУ не остановится, и последует неизменная команда:

— Приготовиться к бегу!

Команда словно услышалась наяву, Артём согнул руки в локтях, но вовремя спохватился: пока силы есть, нужно соорудить ночлег, а не предаваться благостным воспоминаниям. Они, к сожалению, остались в прошлой жизни. Неужели позёмка перевернула похоронные ветки от могилы крестного в его сторону, и Степан Ильич пришёл с кладбища за ним? Нет же, нет, это наверняка просто языческий обычай, а он должен думать, что отвечать утром на допросе. И как не замёрзнуть!

Лежанкой определил мешки с сахаром. Вообще-то непонятно, почему их занесли в подвал, песок ведь вбирает в себя влагу и со временем станет одним большим комом. Не знают, или горе-вояки прячут сладкое друг от друга?

Вокруг мешков выставил в ряд картонные коробки с консервами — худо-бедно, но будут держать тепло. А укроется сеткой с луком. Он начинает подгнивать, но ему ли воротить нос от запахов. А гниёт потому, что осенью поленились обработать и высушить луковицы. Мама всегда брала его на огород, когда шла заготовка лука.

— Самый полезный для человека продукт, — радовалась она урожаю, тряпичей очищая от земли золотистую кожицу. — Съедобны и корешки, и верхки. Попробуй найти другой такой же овощ. Весь в деле, даже из шелухи можно делать настой и красить на Пасху яйца.

Пасха в этом году по календарю вышла поздняя, почти перед самой смертью мамы. И что ей случилось выйти в огород именно в момент обстрела? Просто солнце уже не так пекло к вечеру, а весна — она жадная. Осенью люди стонут, убирая огород, но весной семя пырнётся в любой клочок земли...

— А чтобы лук дольше хранился, мы с тобой сейчас уберём у него с донца корешки, — легко срезала белые отростки. — А шейку кончиком ножа разлохматим в бахрому. Так в два раза быстрее и высохнет, не дав задержаться в нём ни капельке влаги.

Подсохший на солнце лук они потом поднимали на сеновал под крышей дома, где он и доходил до нужной кондиции. Эх, мамка-мамка. Учила всему, даже мужским делам по хозяйству, а он не смог сберечь часы...

Но лук ерунда. Это он заговаривает себя, чтобы не думать о будущем. Что будут спрашивать контрразведчики? Куда повезут потом? В СБУ, наверное, всё равно лучше, чем у «нациков». От них живым ещё ни один человек не вернулся, попавших к ним людей как корова языком слизывает с земли.

Повернувшись, задел коробку с консервами. Одна упала на пол, из неё, как из брюха, вывалились банки с дешёвой килькой. В суворовском на ужин наверняка тоже дадут рыбу. Они учили нормы довольствия, принятые в училище: мясо птицы — 80 грамм в сутки на человека, творог — 60, колбасы полукопчёные — 25, молоко коровье — 500 миллилитров, и далее по списку — овощи свежие, в том числе лимон, соль, специи, какао-порошок, а последним тридцатым пунктом шло даже драже поливитамина — одна штука... Командиры подчёркивали: вы обходитесь государству в десять раз дороже обыкновенного школьника. Цените.

Он заценил...

Стал биться лбом в мешок с сахаром. Мало было 80 грамм в сутки? Получай десять мешков на ночь. Всё твоё! Твоё! Твоё!

Остановился, пока не начала гореть кожа на лбу и во рту вновь не появился солёный привкус от вновь закровоточившей разбитой щеки. Замер. В училище кроме норм довольствия они заучивали зубок ещё и обязанности суворовца. В первую очередь то, что запрещалось:

«Нарушать установленный в училище распорядок дня. Появляться не по форме одетым. Играть в азартные игры, курить, употреблять спиртные напитки, наркотические, токсические, психотропные вещества, бранные выражения. Запрещены любые финансовые отношения между суворовцами. Нанесение татуировок, пирсинга и других форм самоповреждения».

На последней фразе прикрыл глаза, хотя в темноте это можно было и не делать: СБУ и без этих правил само нанесёт ему «самоповреждения». В остальном получается, что он почти ничего не нарушил. Кроме пункта, что не по форме одет...

Стало жалко себя до такой степени, что глаза наполнились слезами. По вздутой щеке проскочила тёплая бороздка. Почему в самый тяжёлый момент жизни тепло идёт лишь от слёз? Или это самообман, и он не греется, а медленно остывает? Но желание бороться за жизнь уже иссякло. И она что, нужна для утренней потехи костоломам? Он не хочет пыток, после которых если и останешься жить, то калекой. Поэтому и впрямь сжаться в комочек и затихнуть. Зачем, вот правда, зачем он пошёл через линию фронта? Кому и что доказал? Для кого создавались поговорки, что в одну реку дважды не ступают? В училище день и ночь долбилось о недопустимости шаблонов, учили принимать нестандартные решения, и что? Как об стенку горох. Самое страшное, что никто никогда не узнает, как и где он сгинет. И уже без разницы, здесь замёрзнет или замучают в СБУ. А на суворовское ещё навесят ЧП по исчезновению человека. Плохо. Всё же училище классное. Во взводе будут убеждены, что он, Артём Воевода, предатель и подставщик. Плюнул на всех и сбежал. Это так и... не так. Может, всё же обменяют? Хотя бы ради того, чтобы узнали правду. А почему нет? У него не имелось на руках оружия, никто не докажет про «айдаровца». А бирки на майке... Да, его отправляли учиться в Россию, но он сбежал. Всё по правде...

Мечтал, делал расклады, словно кто-то станет утром учитывать его желания. Баба Клава бы сказала: «Красива брехэнька, да коротенька». И холодно до самой малой косточки, и горячо от слёз, хоть руки на щеках грей, а не под мышками...

Несмазанной телегой заскрипела дверь, склад дополнился слабым светом и новой порцией холода. В проёме обозначились две фигуры, вошедшие пытались подслеповато рассмотреть пленника. Артём встрепенулся: какая возможность для побега! Почему не предусмотрел? Целая минута! Чем думал раньше!

— Эй, пацан, где ты? — подал голос Петро.

Приподнял миску, постучал по дну ложкой. Вот бы горячая каша. В училище от неё стонали, мечтая о чипсах, пельменях и сосисках с газировкой. Дураки! Может, и впрямь не дадут сейчас околеть? А что, если попросить принести ещё чего-нибудь попозже, а самому подготовиться к прорыву? Охранника можно ударить по голове бутылкой с подсолнечным маслом, потом бросить в глаза горсть соли, а отодранной от ящика доской с гвоздями со всего размаха по мордасам...

— Выходи на свет! — потребовал часовой, бдительно не переступая порог подземелья.